

О.В. Московский

Философский дискурс поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»

Автор статьи относит лермонтовского «Демона» к жанру философской притчи, в которой содержится комплекс проблем онтологического, гносеологического и этического характера. Бунт Демона объясняется борьбой с необходимостью и стремлением стать свободным творцом новой реальности. Согласно классической европейской философской традиции, путь к свободе лежит через осознание необходимости. Но философские взгляды Лермонтова глубоко экзистенциальны. Его Демон осознал необходимость как необходимость и не принял ее. Он выбрал свободу, уменьшив пространство своего истинного бытия до сферы мысли.

Ключевые слова: познание; свобода; необходимость; добро; зло.

В первой половине XIX века русская философская мысль тяготела более к живому поэтическому образу, чем к сухим отвлеченным построениям. Это было время открытия колоссальных возможностей познания мира и человека путем синтеза художественного и аналитического методов, содержащихся в философском дискурсе литературных текстов. В культурной ситуации, характеризующейся осмыслением европейского идейного «багажа» и поиском оригинальных форм и нового содержания философской рефлексии, родилась поэма М.Ю. Лермонтова «Демон». Названная автором восточной повестью, эта поэма по жанру может быть определена и как философская притча.

Поэма, которую Лермонтов создавал в течение всей своей творческой жизни, свидетельствует о непреходящем познавательном интересе ее автора к основам бытия и генезису добра и зла. Лермонтовский Демон интегрирован в библейский контекст, однако им не исчерпывается и не объясняется. Как же можно идентифицировать Демона? «Ввиду протеизма, пластичности центрального образа, — пишет И.Б. Роднянская, — каждая эпоха, подхватывая едва брошенные автором намеки, вышивала по канве «Демона» собственные идейные узоры ...» [5: с. 136]. Непохожесть этих «идейных узоров», другими словами — различные варианты интерпретаций, затруднения в выборе таких понятий, которые могли бы выразить сущность Демона точно и исчерпывающе, на мой взгляд, методологически оправдывают поиск таких терминов, в которых бы наиболее точно была отражена его противоречивая и наглядно невыразимая природа. Демон — оксюморон, философский парадокс, символ, наполненный смыслами и открытый для интерпретаций. Ниже предлагается одна из интерпретаций философского дискурса лермонтовской поэмы.

Текст поэмы не дает оснований утверждать, что исключительно воля к власти толкнула Демона восстать против Бога. Демон был «познавья жадный» [3: с. 45] и не знал сомнения, но в какой-то момент оно у него появилось, и именно из познания. До сомнения «он верил и любил» [3: с. 45]. Познание через сомнение открыло ему, что божественный мир несовершенен тем, что в нем все совершается по строгим законам и, следовательно, нет свободы. Эту несвободу Лермонтов показывает, например, в художественном образе: «Кочующие караваны // В пространстве брошенных светил» [3: с. 45]. Его смысловая глубина и яркость достигается столкновением семантических полей трех концептов — «несвобода», «путь» и «караван»: небесные светила как неразумные животные, послушные властной руке хозяина, совершают свой путь.

Осознав, что в божьем мире нет свободы мыслить, а есть только необходимость верить, нет свободы творить вопреки законам этого мира, Демон отказывается его принимать. Это причина и содержание бунта гордого одиночки, защищающего свое право критического отношения к миру перед лицом его создателя.

Бог проклял Демона и изгнал из рая. Божье проклятие трансформировало его сущность, поскольку он стал злом, антагонистом добра. Целое исторгло из себя часть, ставшую чужеродной, но эта часть не стала целым, не обрела права творить свой собственный мир по собственным законам. Трагедия сознания Демона состоит в том, что нет ничего вне божественного мира, который он не приемлет, нет пространства, в котором он мог бы стать творцом, то есть равным Богу, и своей волей определять пути тех, кто создан его творческим могуществом.

Пребывание в новом качестве стало тяготить Демона, так как он обрел лишь кажущуюся власть изменять пути, первоначально определенные Богом. Он указывал «путнику одинокому» другой путь, и тот, «обманут близким огоньком», «в бездну падая с конем, // Напрасно звал ...» [3: с. 63]. Однако Демон мечтал не о власти разрушать, а о власти творить. Он не настолько поддался самообману, чтобы не различать великую радость творчества от «мрачных забав». Они ему «недолго нравились» [3: с. 63]. Демон начал «скучать собой» [3: с. 62]. Зло, которое тяготится собственным злом, — лермонтовская мысль.

В философской картине мира Лермонтова антиномическая категориальная пара заменяется триадой, в которой два ее традиционные для этики и религии полюса, добро и зло, коррелируют с нетрадиционным третьим. Это третье — зло, преодолевающее свою сущность и стремящееся через воссоединение с добром, своей бывшей сущностью, достигнуть единства. Возможность «снятия зла злом» вступает в противоречие с научной картиной мира, оперирующей логическими понятиями, и с точкой зрения церкви, еще в VI в. предавшей анафеме Оригена, с именем которого «принято связывать доктрину так называемого всеобщего апокатастасиса или грядущего восстановления всех духовных существ, включая даже самого дьявола, в то совершенное состояние, которым они уже обладали изначально в мире предсуществования еще до своего падения» [6: с. 170].

Текущность и временность одного из элементов триады неизбежно должны привести к ее трансформации в антиномическую пару. Вопрос состоит лишь в том, у какого полюса окажутся мощнее силы гравитации и отталкивания. Нам известен финал лермонтовского произведения. Интересно заметить, что и в контексте оригеновской концепции сохранился бы не в меньшей степени трагизм лермонтовского Демона, поскольку вопреки своей воле (например, «Да он и не взял бы забвенья!» [3: с. 49]) он был бы принужден божественной волей пройти обратный путь в совершенное состояние.

Вне связи с миром утрачивается смысл бытия, утрата смысла приводит к внутренней трагедии Демона, поскольку именно смысл структурирует личностное бытие. Вне смысла нет духовного развития. Лермонтов обращается к философской смыслообразующей проблеме: может ли часть, отвергнутая целым, смыслополагать себя вне связи с ним?

Демон ищет то, что может дать смысл его бытию. Для него не существует проблемы обретения бессмертия, однако бессмертие является сущностной, но не смыслообразующей чертой бытия Демона.

Еще в начале своего изгнания вне связей с божественным миром, на его периферии Демон идентифицирует себя как «царя познания и свободы». Следовательно, он уверен, что волен изменять жизненный путь своих рабов земных. Воля к власти может насытить гордость, но не дает ему ни одной плодотворной идеи на пути его духовных поисков, впрочем, кроме одной: власть над людьми и над «сонмищем духов» слишком ничтожна для того, чтобы стать смыслом бытия: «А стоили ль трудов моих // Одни глупцы и лицемеры?» [3: с. 63]. Этим, конечно, вместе с осознанием своего бессилия перед Богом, объясняется умеренность его богоборчества, которое, в конце концов, свелось к тихой ненависти, прикрытой маской презрения.

Надежда вновь обрести смысл бытия появилась у Демона вместе с чувством любви к Тамаре. Бесцельные скитания для него закончились. Четко обозначилась цель — быть вместе с Тамарой. Однако у Демона в смыслополагании сразу наметились два пути, что свидетельствует о противоречиях в его воле. Один путь — возвращение в свое прежнее состояние: «Меня добру и небесам // Ты возвратить могла бы словом, // Твоей любви святым покровом // Одетый, я предстал бы там, // Как новый ангел в блеске новом...» [3: с. 61].

Возвращающийся Демон, вероятно, был бы легко принят сознанием читателей, поскольку являлся бы одним из художественных воплощений архетипа блудного сына. Но философская мысль Лермонтова идет дальше. Противоречивый и, следовательно, неустойчивый полюс триады стремится преодолеть временный характер своей сущности. Демон мыслит создать новую реальность, в которой зло и добро, земное и небесное, сохранив свои сущностные черты, слились бы в нечто единое, обладающее внутренней и внешней гармонией: «Тебя я, вольный сын эфира, // Возьму в надзвездные края; // И будешь ты царицей мира, // Подруга первая моя...» [3: с. 66].

Цель Демона — это наиболее полное выражение этического и эстетического идеала автора поэмы. Эта мысль так или иначе выражена и в других произведениях поэта. Особенно философски близко «Демону» стихотворение «Послушай, быть может...», в котором постулируется идеальная цель гармонического слияния мужского, демонского, и женского, ангельского, начал в реалиях другого мира: «Ты ангелом будешь, я демоном стану!» По Лермонтову, эти два начала есть самодостаточное основание и оправдание друг друга: «Пусть мрачный изгнанник, судьбой осужденный, // Тебе будет раем, а ты мне — вселенной!» [2: с. 261].

Являясь только частью целого, одно демонское начало не может быть целым, поэтому ему необходимо ангельское начало, чтобы новая реальность, созданная их гармоническим слиянием, приобрела свойство целостности.

Демон заявляет себя как начало созидательное и, следовательно, богоподобное. Его воление — в реализации своего творческого потенциала, в создании другого мира, построенного по другим законам. Величие и достижимость цели оправдываются самоидентификацией Демона: «Я царь познания и свободы», «вольный сын эфира». Она основана не столько на знании, что было бы более свойственно «царю познания», а на вере в свое могущество, которая возникла в нем раньше, чем вера в добро («Хочу я веровать добру» [3: с. 66]).

Для достижения своего идеала Демон готов изменить свой бытийный путь, наполнить его смыслом, дать направление движению взамен бесцельного блуждания в пространстве. Более того, Демон верит, что в его власти изменять жизненные пути людей, не замечая, что его воля становится произволом в мире, созданном по законам Бога. Эту веру укрепила легкая победа над женихом Тамары, которого «коварною мечтою // Лукавый Демон возмушал» [3: с. 51].

В разговоре с Тамарой Демон мыслит себя равным Богу, поскольку обещает ей другую судьбу в другом мире: «К иному ты присуждена; // Тебя иное ждет страданье, // Иных восторгов глубина» [3: с. 67]. Демон решил воплотить свою «бессмертную мечту»: собственной волей освободить Тамару из колеи ее судьбы, дать ей путь «в надзвездные края» и сделать ее «царицей мира».

Но неисповедимы пути Господни, и Демону, царю познания, не дано точного знания своей и чьей-либо еще судьбы. Жизненный путь Тамары заранее был определен Богом:

Ее душа была из тех,
Которых жизнь — одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недостигаемых утех:
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них! [3: с. 72].

Оказалось, что дерзкий план Демона есть часть более широкого смыслового контекста, в котором он играет роль испытаний для Тамары. «Дни испытания прошли» [3: с. 72], и этого плана уже не существует.

Мир, замышляемый Демоном, не для Тамары, ей открылся иной путь — путь в рай. Воля Демона вошла в противоречие с волей Божьей и вынуждена была уступить. Происходит катастрофа демонского сознания: кажимость сменяется истинным знанием об ограниченности своего могущества и свободы. «Царь познания и свободы», «вольный сын эфира» — ложные самоназвания, результат заблуждения. Нет ничего вне божественного мира. Никто в нем не может творить вопреки его законам, поскольку никто не равен Богу.

Лермонтов указывает на ограниченный характер демонского богоборчества и в финале поэмы. «Демон побежденный» проклинает не Творца, не созданный им мир, а «мечты безумные свои» [3: с. 72]. «Демон побежденный» — это образ, символизирующий переход триады в антиномическую пару *добро* — *зло*, которая лежит в основании мира и имплицитна ему.

В философской картине мира Лермонтова есть образы, принадлежащие вечности и времени. Демон проклял «мечты безумные свои», когда вышло их время, а пока оно не вышло, эти мечты являлись для него реальностью, изменившей его сущность и давшей направление его духовным устремлениям к добру. Безумность демонской мечты нисколько не умаляла ее величия, поскольку мечта оправдывалась любовью, а любовь не есть категория логики.

Демон создал собственный мир по иным, чем в Божьем мире, законам, гармонически соединив демонское и ангельское начало. Но он не мог избежать того, что творимый им мир обладает двумя сущностными чертами: во-первых, он ограничен пространством мысли, то есть обладает идеальным бытием; во-вторых, он ограничен во времени.

Поэты и философы до и после Лермонтова художественными средствами и научными теориями пытались прояснить проблему бессмертия: преодоление смерти через искусство, принадлежность личности к богочеловечеству. Для философского дискурса лермонтовской поэмы не существует подобной проблемы: Демон бессмертен. Для поэта важно, что статус бессмертного разума не дает решения проблемы свободы и необходимости.

Поэма «Демон» создавалась в исторический период, когда европейская философия в лице таких выдающихся своих представителей, как Кант, Фихте, Гегель, Шеллинг, современников Лермонтова или предшественников, близких ему по времени, уже имела рассматриваемую проблему в качестве наиболее актуальной и разрабатываемой. Однако ни одна из точек зрения, была она известна поэту или нет, не совпала сколько-нибудь близко с лермонтовской.

Философия Канта не могла удовлетворить поэта, так как у Канта свобода достигается «ценой разрыва между реальным чувственным миром эмпирических явлений», в который он включает также «весь мир психических процессов», и «постулируемым сверхчувственным миром» [1: с. 56]. Для Лермонтова поэзия не может быть сверхчувственной, равно как и Демон не может не сочетать в себе сверхчувственную мысль с «психическими процессами».

Идея Фихте о свободе как созерцательно познаваемой необходимости «сверх-Я» диссонировала с семантикой лермонтовских героев-бунтарей.

Согласно Шеллингу, между свободой и необходимостью существует абсолютное тождество, которое создает основу для гармонии объективного и субъективного в свободной деятельности индивида. Философская притча Лермонтова о Демоне не признает этого тождества, а противоречие между свободой и необходимостью лежит в основе развития ее фабулы и характера главного героя.

Гегель рассматривал сущность свободы как осознание проявления необходимости Абсолютной Идеи в контексте всемирно-исторического процесса, поступательного развития общества и государства, жертвуя в их пользу потребностями индивида. Лермонтову, вспомним, «история души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа...» [4: с. 51]. «Душа человеческая», несомненно, проецирована и на Демона, она не примет жестких путей умозрительных теорий, как бы ни были они изящны в своей доказательности.

В поэме точка зрения Лермонтова относительно свободы и необходимости доказывается мыслями и поступками героев, то есть самим их бытием. Демон, по сути, отверг формулу Спинозы «Свобода — это познанная необходимость». Познание дало ему свободу, но лишь в пространстве мысли. Поэтому в этом контексте можно говорить об истинности его, Демона, самоидентификации — «царь познания и свободы». Однако как только Демон покинул пространство мысли и ступил в сферу слова и действия, он столкнулся с неведомой ему ранее необходимостью.

Если следовать классической европейской философской традиции, путь к свободе лежит через осознание необходимости. Но философские взгляды Лермонтова глубоко экзистенциальны. Его Демон осознал необходимость, но лишь как необходимость, а не как свободу. Только осознать необходимость еще недостаточно, чтобы стать свободным. Необходимость необходимо принять, внутренне присвоить. Демон не принял. Он выбрал свободу, уменьшив пространство своего истинного бытия до сферы мысли, оставшись чужим в мире, где правила необходимость.

Литература

1. *Асмус В.Ф.* Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 52–69.
2. *Лермонтов М.Ю.* «Послушай, быть может, когда мы покинем...» // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1983. 446 с.
3. *Лермонтов М.Ю.* Демон // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1983. 542 с.
4. *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1984. 527 с.
5. *Роднянская И.Б.* «Демон как художественное целое» // Лермонтовская энциклопедия. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1999. С. 132–137.
6. *Серегин А.В.* Апокатастасис и традиционная эсхатология у Оригена // Вестник древней истории. 2003. № 3. С. 170–193.

Literatura

1. *Asmus V.F.* Dialektika neobxodimosti i svobody' v filosofii istorii Gegelya // *Voprosy' filosofii.* 1995. № 1. S. 52–69.
2. *Lermontov M.Yu.* «Poslushaj, by't' mozhet, kogda my' pokinem...» // *Lermontov M.Yu. Sobr. soch.: v 4 t. T. 1. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1983. 446 s.*
3. *Lermontov M.Yu.* Demon // *Lermontov M.Yu. Sobr. soch.: v 4 t. T. 2. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1983. 542 s.*
4. *Lermontov M.Yu.* Geroj nashego vremeni // *Lermontov M.Yu. Sobr. soch.: v 4 t. T. 4. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1984. 527 s.*
5. *Rodnyanskaya I.B.* «Demon kak xudozhestvennoe celoe» // *Lermontovskaya e'nciklopediya. M.: Nauchnoe izd-vo «Bol'shaya Rossijskaya e'nciklopediya», 1999. S. 132–137.*
6. *Seregin A.V.* Apokatastasis i tradicionnaya e'sxatalogiya u Origena // *Vestnik drevnej istorii.* 2003. № 3. S. 170–193.

O.V. Moscowsky

**Philosophical Discourse
of M.Y. Lermontov's Poem «Demon»**

The author considers Lermontov's «Demon» to the genre of philosophical parable, which contains a set of problems of ontological, epistemological and ethical type. Demon's riot is explained by struggle with the necessity and desire to become a free creator of a new reality. According to the classical European philosophical tradition, the path to freedom is through awareness of the necessity. But Lermontov's philosophical views are deeply existential. His Demon realized the necessity as the necessity and did not take it. He chose freedom, reducing the space of his true being to the sphere of thought.

Keywords: cognition; freedom; the necessity; good; evil.